

# ИВАН ДМИТРИЕВИЧ РОЖАНСКИЙ

(30.09.1913-25.08.1994)

## СЛОВО ПАМЯТИ

В Иване Дмитриевиче Рожанском свободно сочетались трудно соединимые качества — удивительная отзывчивость, мягкость и плавность в обращении и манерах со строгостью и внутренней дисциплиной подвижника науки с его решительным отвержением всего размазанно-субъективного и необязательного для сути дела. Типично московско-интеллигентный характер его общения в делах науки дополнялся духом высокой интеллектуальной взыскательности и ответственности. На первом плане его личной иерархии ценностей располагались высокие интересы служения истине. Благородный дух теоретической аскезы был родной стихией Ивана Дмитриевича, как и у Эйнштейна или Бора (последнего он знал лично).

Интеллектуальный склад личности Ивана Дмитриевича задавался, на мой взгляд, тремя компонентами. Во-первых, это любовь к русской поэзии, в частности, к Пастернаку и Ахматовой, с которыми он был лично знаком. Во-вторых, глубоко усвоенная германская культура, философия и поэзия, наука и музыка, Гете и Рильке (Рильке он специально изучал и переводил). В-третьих, вера в научный разум, история которого, начиная с античности, и была главным предметом научных интересов Ивана Дмитриевича. Именно его глубокая гуманитарная эрудиция вместе с основательным естественнонаучным образованием делали его первоклассным историком научных идей. Германистика, любовь к истории и науке, к поэзии и музыке соединились в его призвании эллиниста. Действительно, вслед за Гельдерлином, Гете и Гегелем Иван Дмитриевич смотрел на Грецию как на колыбель европейской культуры, собственную принадлежность к которой он всегда ясно ощущал.

Русский европеец, идеалист 40-х годов прошлого века, брошенный жить и действовать в технократический материалистический XX век — вот как можно представить себе жизнь и судьбу Ивана Дмитриевича Рожанского. Сдержанность, лаконичность стиля, даже как бы некоторая флегматичность, своего рода северная меланхолия — все это говорило о

его нордической природе и происхождении. А общительность и открытость души, радушие и хлебосольство дома, любовь к долгим разговорам, страсть к чаепитиям и беседам — все это свидетельствовало о московской стихии души и характера.

Основную идею, которую в своей деятельности воплощал Иван Дмитриевич Рожанский, создавая, в частности, семинар по истории античной науки и философии, можно было бы обозначить как благородство разума. Его любовь к античной культуре, приглашение к обдумыванию ее проблем осознавались как призыв именно к вольному и благородному служению — честному и частному, содержащему в себе свою правоту.

Сказать, что Иван Дмитриевич принадлежал к лучшим представителям русской интеллигенции — сказать мало и слишком обще. Представляя себе манеру разговора и весь духовный облик Ивана Дмитриевича, невольно вспоминаешь круг идеалистов и западников прошлого века (хотя в последние годы и, особенно, месяцы жизни Иван Дмитриевич проявлял особый интерес к русской религиозно-философской традиции). «По-моему, служить связью, центром целого круга людей — огромное дело, особенно в обществе разобщенном и скованном», — эти слова Герцена об Огареве могут быть отнесены и к Ивану Дмитриевичу, если мы вспомним 70-80-е годы, когда работал его семинар, собиравший интересных людей, филологов и философов, идущих каждый своей дорогой в нелегких антиковедческих штудиях.

*В. П. Визгин*